

КНИГА ПЕРВАЯ

БРАТ И СЕСТРА

ГЛАВА I

Окрест Дорлкоутской мельницы

По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии. Этот могучий прилив несет темные корабли, груженные смолистыми сосновыми досками, тугими мешками льняного семени или черным сверкающим углем, к городку Сент-Огг, что стоит между невысоким лесистым холмом и обрывистым берегом реки; крутые крыши из красной черепицы и широкие фронтоны портовых складов, загораясь под мимолетным взглядом февральского солнца, бросают на воду мягкие багряные блики. По обе стороны тянутся вдаль тучные пастбища и полоски темной земли, вспаханной под весенние посевы или покрытой нежным пушком озими. Кое-где еще видны золотые шапки прошлогодних стогов, и над живыми изгородями повсюду кроны деревьев; кажется, что мачты и коричневые паруса проплывающих вдали судов вздымаются прямо из ветвей раскидистого ясеня. Сразу за красноверхим городком во Флосс впадает его приток — Рипл. Как красива эта быстрая речушка, покрытая живым узором темной ряби! Когда я брожу по ее берегам и внимаю ее тихому, спокойному голосу, словно голосу любящего, хотя и неспособного услышать меня друга, она представляется мне живым существом. Мне не забыть старых ив, купающих ветви в воде. Мне не забыть каменного моста.

А вот и Дорлкоутская мельница. Не могу не постоять минуту-другую на мосту, чтобы полюбоваться на нее, хотя на небе собираются тучи и уже близок вечер. Даже сейчас, на ис-

ходе февраля, когда деревья еще не оделись листвой, на нее приятно смотреть, а возможно, холодная и сырая погода только прибавляет очарования уютному чистенькому домику, такому же старому, как вязы и каштаны, укрывающие его от порывов северного ветра. Река полна до краев, вода поднялась так высоко, что затопила лозняк и покрыла чуть ли не всю лужайку перед домом. Когда я гляжу на полноводный поток, на сочную траву, на нежный светло-зеленый лишайник, скрадывающий очертания могучих, чуть поблескивающих стволов и путаницу ветвей на пурпурных обнаженных суках, мне думается — нет ничего прекраснее воды, и я завидую белым уткам, которые плавают среди лозняка и окунают свои головки глубоко в воду, не заботясь о том, какая непривлекательная картина открывается взору тех, кто глядит на них сверху.

Шум воды и гул мельницы, словно огромная завеса из звуков, отделяют вас от внешнего мира и, навевая немую дрему, как будто еще усиливают безмятежный покой всего окружающего. Но вот слышится грохот — это катит домой громадный фургон, набитый мешками с зерном. Честный возница думает об обеде, который — увы! — все еще томится в печи, несмотря на поздний час; но он не прикоснется к нему, пока не накормит своих лошадей — выносливых безответных животных, которые, чудится мне, с мягким укором поглядывают на него из-за шор своими кроткими глазами: к чему так ужасающе щелкать над их головами кнутом — точно они нуждаются в этом намеке! Видите, как они напрягают все мышцы, одолевая подъем к мосту, тем усерднее, чем ближе они к дому. Посмотрите на их громадные с мохнатыми бабками ноги, словно впивающиеся в землю, на их сильные выи, покорно склоненные под тяжелыми хомутами, на могучие крупы с играющими под кожей мускулами. Хотелось бы мне услышать их ржание, когда они получают свой заработанный тяжким трудом овес, поглядеть, как, опустив освобожденные от упряжи потные шеи, они нетерпеливо погрузят морды в мутную воду пруда. Вот они уже на мосту, а там — вниз, все ускоряя

свой бег, и задок фургона скрывается за деревьями на повороте дороги.

Теперь я могу снова обратить взор к мельнице и глядеть, как из-под неумоимого колеса вылетают алмазные струи. Вон та маленькая девочка в меховом капоре тоже смотрит на реку; с тех пор как я на мосту, она не двинулась со своего места у самой воды. Смешная белая собачонка с коричневым ухом прыгает и ревниво лает на колесо, безуспешно протестуя против того, что ее подруга столь поглощена его движением. Я думаю, девочке пора бы уже домой, где так заманчиво горит яркий огонь, — красноватые отблески пламени далеко видны в сгущающихся сумерках. Пора и мне убрать локти с холодного каменного парапета моста...

Ах, у меня и в самом деле онемели руки. Все это время мои локти тяжело опирались на ручки кресла, и мне чудилось, что я стою на мосту перед Дорлкоутской мельницей, точно такой, какой она была февральским вечером много лет назад. До того как я задремал, я собирался поведать вам, о чем говорили мистер и миссис Талливер, сидя в гостиной у пылающего камина в тот самый день, который мне приснился.

ГЛАВА II

Мистер Талливер, хозяин Дорлжонутской мельницы, объявляет о своем решении относительно Тома

— Чего бы я хотел, понимаешь, — начал мистер Талливер, — чего бы я хотел — так это дать Тому дельное образование, чтоб он имел свой кусок хлеба. Вот это и было у меня на уме, когда я передал, что забираю его от Джейкобза на Благовещение. Думаю послать его с Иванова дня в другую, путную школу. Кабы я прочил его в мельники или фермеры, двух лет у Джейкобза было бы за глаза; он проучился куда больше, нежели довелось мне: моя наука отцу не дорого встала — только и всего что букварь под нос да розгу под хвост. Ну а Тома я бы хотел сделать малость поученей, чтобы его не могли обвести вокруг пальца все эти господа, что красно говорят и подписываются с таким росчерком. Был бы мне подмогой в разных там тяжбах да арбитражах и всем таком прочем. Форменного законника я из парня делать не собираюсь — не хочу, чтоб он негодяем вышел, — а так, что-нибудь вроде механика, или землемера, или аукциониста и оценщика, как Райли, или мастака по какой-нибудь другой части, где только знай себе загребай денежки и никаких расходов на обзаведение, разве что на толстую часовую цепочку да высокий табурет. Все они, по-моему, на один лад, да и законами их не запугаешь. Райли перед стряпчим Уэйкемом глаз не опустит, все равно что кот перед котом. Уж он-то его не боится.

Речь мистера Талливера была обращена к жене, миловидной белокурой женщине лет сорока, в чепце с оборками наподобие веера. (Страшно подумать, как давно носили такие

чепцы, — они, наверно, вот-вот опять войдут в моду. В то время они только появились в Сент-Огге и считались премиленскими.)

— Что ж, мистер Талливер, тебе виднее. Я-то ничего не имею против. А только, может, зарежем мы на будущей неделе пару кур да позовем к обеду дядюшек и тетюшек, послушаем, что про это думают сестрица Глеэг и сестрица Пуллет. У нас есть птица, которая так и просится под нож!

— Перережь хоть весь птичий двор, Бесси, коли твоей душе угодно, но спрашивать, что мне делать со своим родным сыном, я не намерен ни у тетюшек, ни у дядюшек, — с вызовом ответил мистер Талливер.

— Господи помилуй! — воскликнула миссис Талливер, потрясенная этим кроважидным заявлением. — Как ты можешь так говорить, мистер Талливер? И всегда ты отзываешься о моей родне неуважительно, а сестрица Глеэг валит весь грех на меня, хотя я, право, неповинна, как новорожденный младенец. Да я вечно всем твержу, как нашим детям повезло, что у них тетюшки и дядюшки со средствами. А только, ежели Том пойдет в новую школу, я бы хотела, чтоб жил он неподалеку и я могла стирать и чинить его платье, не то хоть давай ему миткалевое белье вместо полотняного — все одно станет желтым после дюжины стирок. И потом, ежели бы это было по пути нашему фургону, я могла бы посылать ему пирожок, или паштет, или яблочко: он, благослови его Господь, управится с лишним кусочком, как бы там его ни накормили. Мои дети, благодарение господу, могут поесть не хуже других.

— Ладно, ладно, мы не отошлем его дальше, чем ходит фургон, ежели все остальное подойдет, — сказал мистер Талливер. — Ну и ты не ставь палки в колеса с этой своей стиркой, коли мы не найдем школы поблизости. Есть у тебя дурная черта, Бесси: увидишь ты на дороге пруттик, тебе уже кажется, что через него и не переступить. Ты бы не дала мне нанять хорошего возчика потому только, что у него на лице родинка.

— Господи помилуй! — промолвила миссис Талливер с кротким изумлением. — Когда это я возражала против человека оттого, что у него на лице родинка? Да они мне даже нравятся, и у моего брата, царство ему небесное, была родинка на лбу. Но я что-то не помню, чтобы ты когда собирался нанять возчика с родинкой, мистер Талливер. Вот Джон Гиббз, так родинок у него было не больше, чем у тебя, и я очень даже хотела, чтоб ты его взял; ты и нанял его, и ежели б он не помер от горячки — а мы еще платили доктору Тэрнбулу за его лечение, — он бы, верно, и сейчас ездил с нашим фургоном. Может, у него и была родинка, где не видно, но я-то как могла об этом знать, мистер Талливер?

— Да нет, нет, Бесси, я не имел в виду именно родинку, я так, для примера. Ну, не важно; мудреное это дело — разговаривать. Я все думаю, как найти для Тома подходящую школу. Ведь тут можно снова дать маху, как с Джейкобзом. О таких заведениях я больше и слышать не желаю. В какую бы школу я Тома теперь ни определил, уж там не будет, как у Джейкобза. Там парни будут не только чистить башмаки всей семье да копать картошку. Ох и мудреная же это задача — выбрать школу.

Мистер Талливер умолк и сунул руки в карманы штанов, как будто надеялся найти там какое-нибудь решение. По-видимому, его ожидания оправдались, так как, помолчав несколько минут, он сказал:

— Я знаю, что я сделаю. Поговорю об этом с Райли. Он приезжает завтра на арбитраж насчет запруды.

— У меня уже вынуты простыни для парадной кровати, мистер Талливер, и Кезия повесила их перед огнем. Это не самые лучшие наши простыни, но их не стыдно постлать хоть кому угодно. А что до простынь из голландского полотна, мне вроде и жаль, что мы на них потратились, да ведь надо же нас как положено обрядить, когда придет наш час. И приведишь тебе завтра умереть, мистер Талливер, они разглажены без единой морщиночки, и совсем готовы, и пахнут лавандой, так что любо их развернуть. Они лежат в большом

дубовом сундуке для белья, в левом углу, в самой глубине, — хотя, понятно, я никому другому и пальцем до них дотронуться не позволю.

Произнеся все это, миссис Талливер вытащила из кармана блестящую связку ключей и, выбрав из них один, стала поглаживать его двумя пальцами, с безмятежной улыбкой глядя на яркий огонь. Будь мистер Талливер ревнивым супругом, он мог бы заподозрить, что она вынула ключи, дабы помочь своему воображению представить ту минуту, когда он даст ей основание пустить наконец в ход голландские простыни. К счастью, дело обстояло иначе: ревниво он относился только к своим правам на воды Флосса. К тому же за годы супружеской жизни у него выработалась привычка слушать свою благоверную только вполслуха, и с той минуты, как он упомянул о мистере Райли, он был, судя по всему, поглощен проверкой на ощупь качества своих шерстяных чулок.

— Сдается, я попал в самую точку, Бесси, — сказал он после короткого молчания. — Райли скорей, чем кто другой, может присоветовать мне школу; он человек ученый и разъезжает повсюду — с арбитражем, и оценкой, и всем прочим. И у нас будет время потолковать об этом завтра вечером, когда мы покончим с запрудой. Понимаешь, я хочу, чтобы Том был вроде Райли — умел говорить как по писаному, знал кучу слов, которые можно повернуть и так и этак, а закону к ним не придаться, ну и в делах понимал толк.

— Что ж, — сказала миссис Талливер, — я не против, чтобы он говорил как надо, и все знал, и ходил сутулясь, и взбивал на голове кок, — пусть мальчика всему этому обучат. А только эти краснобаи из больших городов всегда носят пристежные манишки, брыжи донашивают, пока совсем жеванные не станут, и тогда прикрывают их шейным платком. Райли, я знаю, так делает. И опять же, ежели Том уедет и поселится в Мадпорте, как Райли, то придется ему жить в доме, где на кухне и повернуться трудно, и не видать ему свежих яиц к завтраку, и спать он будет на четвертом, а почему

знать, может, и на пятом этаже и, случись пожар, сгорит живьем, покуда доберется донизу.

— Что ты, что ты, — сказал мистер Талливер, — у меня и в мыслях не было, чтоб он уезжал в Мадпорт. Я хочу, чтобы он открыл свою контору в Сент-Отге, рядом с нами, и жил дома. А только боюсь, — продолжал, помолчав, мистер Талливер, — дельца из Тома не выйдет — голова не та. Что греха таить, не больно-то он бойкий. Он в вашу семью, Бесси.

— Да, это верно, — согласилась миссис Талливер, не улавливая в его словах задней мысли. — Прямо удивительно, как он любит суп посолонее. Ну точь-в-точь мой брат или отец.

— А все-таки жаль, — снова заговорил мистер Талливер, — что девчушка пошла в отцову породу, а малый — нет. То-то и худо с этими скрещиваниями — никогда наперед не знаешь, что выйдет. Девчонка — та в нашу семью; в два раза шустрей и смышленей Тома. Пожалуй, слишком смышленная для женщины, — продолжал мистер Талливер, раздумчиво покачивая головой. — Сейчас, покуда она мала, еще ладно, но слишком умная женщина — что длиннохвостая овца: дороже ее за это не ценят.

— Нет, мистер Талливер, не ладно и покуда она мала, потому что это ведет к упрямству. А как добиться, чтобы хоть два часа ее фартучек оставался чистым, тут я и ума не приложу... Да, совсем из головы вон, — продолжала миссис Талливер, поднимаясь и подходя к окну. — Понятия не имею, где она, а уж скоро время чай пить. Так я и думала — бродит по берегу, словно дикарка. Ох, свалится она когда-нибудь в воду!

Миссис Талливер громко постучала пальцами по стеклу и поманила кого-то, укоризненно качая головой. Прodeлав это несколько раз, она вернулась на свое место.

— Вот ты говоришь — смышленная, мистер Талливер, — продолжала она, садясь, — но, право, в некоторых вещах она самая настоящая дурочка; пошлешь ее за чем-нибудь наверх, а она забудет, за чем пошла, усядется на пол на солнышке и давай заплетать косы и петь про себя — как есть помешан-

ная. А я все это время сиди и дожидайся ее внизу. Нет, этого у нас в семье, слава богу, не бывало, да и смуглой кожи также, — ведь она словно цыганка. Не хочу роптать на Провидение, а что ни говори, обидно — одна у меня дочь, и та блаженная.

— Фу ты, глупости какие! — возмутился мистер Талливер. — Она складная черноглазая девчушка, любо-дорого смотреть. Не знаю, чем это она хуже других детей, а читает — ну прямо как пастор.

— Да, зато волосы у нее не хотят виться, как я с ними ни бьюсь, и она не терпит, когда их накручивают на бумажки, а заставить ее стоять спокойно, чтобы завить их щипцами, об этом и не думай.

— Подрежь их... остриги ее покороче, — опрометчиво посоветовал отец.

— Как ты можешь так говорить, мистер Талливер? Ей уже десятый год пошел — и высока не по летам, — разве пристало ей ходить с короткими волосами? А у ее двоюродной сестрицы Люси вся головка в локончиках и ни один волосок не выбьется. Прямо зависть берет, что у сестры Дин такая хорошенькая девочка. Право, Люси больше на меня похожа, чем мое собственное детище... Мэгги, Мэгги, — продолжала мать раздраженным и вместе просительным тоном, когда эта малолетняя ошибка природы вошла в комнату, — сколько раз тебе говорить, чтоб ты не подходила близко к воде? Свалишься когда-нибудь да утонешь, вот тогда пожалеешь, что не слушалась матери.

Мэгги скинула капор, и волосы ее полностью подтвердили, что у миссис Талливер есть все основания сетовать. Стремясь, чтобы у дочки были локоны «не хуже, чем у других детей», она подстригла ее спереди слишком коротко, и волосы невозможно было убрать за уши, а так как они обычно становились совершенно прямыми через час после того, как их вынимали из папильоток, Мэгги беспрестанно встряхивала головой, чтобы откинуть тяжелые темные пряди, свисавшие ей на глаза, — точь-в-точь маленький шотландский пони.

— Боже милостивый, Мэгги, о чем ты только думаешь — бросить свой капор здесь! Будь умницей, отнеси его наверх, причешись и надень другой фартучек да перемени туфли... Ну как тебе не стыдно... А потом спускайся сюда и берись за свое шитье, веди себя как барышня.

— Ах, мама, — со страстным протестом в голосе воскликнула Мэгги, — не хочу я сшивать эти гадкие лоскуты!

— Что?! Не хочешь сшивать лоскуты, чтобы сделать хорошенькое одеяло для тетушки Глеэг?

— Глупое это занятие, — заявила Мэгги, встряхивая своей гривой, — разрезать тряпки на кусочки, а потом опять их сшивать. Да и не хочу я делать ничего для тетушки Глеэг, я не люблю ее.

Волоча капор за ленты, Мэгги скрывается, сопровождаемая громким смехом мистера Талливера.

— Удивляюсь я тебе, мистер Талливер! Чему тут смеяться? — сказала мать с легким раздражением. — Опять ты ей потакаешь. А потом тетушки скажут, что это я избаловала ее.

Миссис Талливер была, как говорится, кроткого нрава. В детстве разве только голод или вонзившаяся в тело булавка могли вызвать у нее слезы; с самой колыбели она была здоровая, румяная, пухлая и скучная — короче говоря, перл красоты и привлекательности в своем семействе. Но кротость, как и молоко, нестойкий продукт и, когда немного прокиснет, может оказаться не по нутру молодым желудкам. У меня не раз возникал вопрос, удавалось ли ранним мадоннам Рафаэля, этим бело-розовым красавицам с довольно глупыми лицами, сохранять безмятежность, когда их крепкие норовистые мальчуганы вырастали настолько, что не могли уже ходить голышом? Я полагаю, они были склонны кротко увещевать свои чада и становились все более и более раздражительными по мере того, как увещания их все менее и менее достигали цели.

ГЛАВА III

Мистер Райли дает совет относительно школы для Тома

Джентльмен в пышном белом галстуке и брюжах, который с таким благосклонным видом попивает грог в обществе своего доброго друга Талливера, и есть мистер Райли. Это мужчина с нездоровым цветом лица и пухлыми руками, пожалуй, даже слишком образованный для аукциониста и оценщика, но достаточно снисходительный, чтобы выказывать *bonhomie*¹ по отношению к своим деревенским знакомым, простым и гостеприимным людям. Мистер Райли любезно именовал их «людьми старой школы».

Беседа прервалась. Мистер Талливер не без задней мысли воздержался от того, чтобы в седьмой раз повторить, как хладнокровно Райли осадил Дикса — показал, что тому с ним не тягаться, — и как с Уэйкема хоть раз в жизни сбили спесь, разрешив вопрос о запруде арбитражем, и что споров о воде и вовсе бы не возникало, веди себя каждый так, как ему положено, и не сотвори нечистый законников.

Мистер Талливер обычно придерживался надежных общепринятых взглядов, но в некоторых вопросах он больше полагался на собственное разумение и пришел к нескольким весьма сомнительным выводам. Так, он считал, что долгоносики, крысы и стряпчие — порождение дьявола. К сожалению, некому было объяснить ему, что это чистейший манихейзм², не то он понял бы свою ошибку. Однако сегодня добро

¹ Благожелательность (*фр.*).

² *Манихейзм* — учение персидского философа Мани (III в.), последователя Зороастра, согласно которому тело человека является порождением «царства тьмы», а душа — «царства света».

наконец восторжествовало. Это дело по поводу уровня воды оказалось довольно запутанным, хотя на первый взгляд выглядело проще простого. Но пусть и сильно пришлось голову поломать, Райли всем им нос утер... Мистер Талливер смешал себе грог крепче, чем обычно, и теперь излагал свое высокое мнение о деловых талантах мистера Райли с откровенностью, несколько опрометчивой для человека, у которого, по слухам, лежит в банке кругленькая сумма.

Но с разговором о запруде можно было и повременить, к нему всегда будет случай вернуться, возобновив его с того же самого места, а мысли мистера Талливера, как вы знаете, занимал другой предмет, насчет которого ему совершенно необходимо было посоветоваться с мистером Райли. Вот по этой-то самой причине, выпив последний глоток, он некоторое время молча, с задумчивым видом потирал колени. Не такой он был человек, чтобы так вот вдруг перескакивать с одной темы на другую. Мудреная штука — нынешний свет, любил говорить мистер Талливер, погонишь фургон слишком быстро, как раз опрокинешь на повороте. Мистер Райли меж тем спокойно ждал. Чего бы ему торопиться? Даже Хотспер¹ и тот бы, надо думать, сидел спокойно, греясь у пылающего камина, сунув ноги в мягкие туфли, угощаясь огромными понюшками табака и прихлебывая даровой грог.

— Есть у меня кое-что на уме, — заговорил наконец мистер Талливер, несколько умерив свой обычно громкий голос, и, повернувшись к собеседнику, пристально на него посмотрел.

— Вот как? — вежливо отозвался мистер Райли.

У него были тяжелые восковые веки, дугообразные брови, выражение его лица не менялось ни при каких обстоятельствах. Это непроницаемое выражение и привычка закладывать в нос понюшку табаку, прежде чем ответить на вопрос, делали его в глазах мистера Талливера сверххорошумом.

¹ *Хотспер* («Горячая шпора») — прозвище, данное английскому рыцарю сэру Перси (персонаж «Генриха IV» Шекспира), прославившемуся своим вспыльчивым нравом.

— Это предмет особого рода, — продолжал Талливер, — насчет моего мальчишки Тома.

Услышав слово «Том», Мэгги, сидевшая на низкой скамеечке у самого огня с большой книгой на коленях, откинула назад тяжелые волосы и с живым интересом подняла глаза на отца. Нелегко было пробудить ее, когда она грезила над книгой, но имя брата действовало на нее подобно самому пронзительному свистку. В тот же миг глаза ее загорались и она настораживалась, как скайтерьер, почувшый, что его хозяину грозит беда, и готовый бесстрашно ринуться ему на помощь.

— Видите ли, хочу определить его летом в новую школу. На Благовещение он приедет от Джейкобза; я дам ему побегать на воле месяца два-три, но после хочу отдать его в другую, путную школу, чтоб сделали из него грамотея.

— Что ж, — заметил мистер Райли, — хорошее образование — большое преимущество в жизни. Я не хочу сказать, — добавил он с учтивым намеком, — я не хочу сказать, что нельзя быть превосходным мельником и фермером и к тому же дальновидным и здравомыслящим человеком без особой помощи школьного учителя.

— Оно верно, — отозвался мистер Талливер, подмигивая и склоняя голову к плечу, — но в том-то и вся штука: я вовсе не хочу, чтоб Том был мельником или фермером. Что мне за радость? Помилуйте, станет он мельником или фермером, так ему сразу мельницу и землю подавай; пойдут обиняки да намеки, что пора, дескать, на покой, надо и о душе подумать. Нет, нет, с этими сыновьями всегда одна и та же история. Зачем снимать одёжу прежде, чем ляжешь спать? Я сделаю из Тома грамотея, пристрою его к делу, а там пусть сам свое гнездо вьет, а меня из моего не вытаскивает. Хватит, что после моей смерти все ему достанется. Не по мне есть кашку, покуда зубы целы.

Это был, по-видимому, пунктик мистера Талливера, и еще долго после этой тирады, прозвучавшей с несвойственными ему живостью и выразительностью, он возмущенно

потряхивал головой, и обуревавшие его чувства прорывались в резком «нет уж, нет!», похожем на утихающее рычание.

Эти признаки гнева были тотчас замечены Мэгги и больно ее задели. Про Тома, выходит, думают, что он способен, когда вырастет, выгнать родного отца из дому и сделать их несчастными, — такой он гадкий. Нет, она не может этого вынести. Мэгги вскочила на ноги, забыв о тяжелой книге, которая с шумом свалилась за каминную решетку, подбежала к отцу и, остановившись перед ним, воскликнула со слезами негодования:

— Отец, Том всегда будет тебя слушаться, я знаю, что будет!

Слова дочки тронули сердце мистера Талливера, и, так как миссис Талливер не было в комнате — она надзирала за приготовлением к ужину своего коронного блюда, — Мэгги не получила нагоняя за книгу. Мистер Райли спокойно поднял ее и стал перелистывать, а отец засмеялся, и его суровое лицо засветилось нежностью. Похлопав дочку по спине, он взял ее за руки и притянул к себе.

— Что ж, про Тома и слова нельзя худого сказать, а? — глядя на Мэгги, промолвил мистер Талливер, и в глазах его заплясал огонек. Затем, повернувшись к мистеру Райли и несколько тише, словно так Мэгги его не услышит, продолжал: — Она понимает все, что говорят, прямо удивительно. А вы бы послушали, как она читает! Разом, без запинки, словно знает все наперед. И всегда за книгой! Но это плохо, очень плохо, — печально добавил мистер Талливер, стараясь подавить свой достойный порицания восторг, — к чему женщине ум, боюсь — только до беды доведет. А все же, вы не поверите, — здесь отцовская гордость снова явно взяла верх, — она прочтет вам книгу и разберется в ней куда лучше, чем многие люди, втрое ее старше.

У Мэгги от радости и волнения запылали щеки. Уж теперь-то она поднимется в глазах мистера Райли: раньше, судя по всему, он ее просто не замечал.

Мистер Райли перелистывал книгу, и она ничего не могла прочесть на его непроницаемом лице; но вот он посмотрел на нее и сказал:

— Ну-ка, поди сюда, Расскажи мне об этой книжке; здесь есть картинки, я хочу знать, что тут такое нарисовано.

Еще пуще покраснев, Мэгги, не задумываясь, подошла к мистеру Райли и, нетерпеливо схватив книгу, взглянула на нее; затем, откинув со лба свою гриву, начала:

— О, я скажу вам, что это значит. Вот страшная картинка, правда? А мне так и хочется смотреть на нее. Вон та старуха — она ведьма; ее бросили в воду, чтобы узнать, заправдашняя она ведьма или нет; если она выплывет — значит ведьма, если потонет — и умрет, понимаете? — она не виновата и не ведьма, а просто бедная глупая старуха. Но ей-то что пользы, раз она уже потонула? Ну, Бог, верно, возьмет ее на небо и воздаст ей за все. А вот тот страшный кузнец, что стоит подбоченясь и хохочет — вот гадкий, да? — я вам скажу, кто это. Он на самом деле вовсе не кузнец (здесь голос Мэгги зазвучал громче и выразительнее), а нечистый. Он, знаете, принимает вид нехороших людей, и разгуливает повсюду, и подговаривает делать нехорошие вещи, и он чаще бывает в образе злого человека, чем в каком другом, потому что, если бы люди увидели, что он нечистый, и он рычал бы на них, они бы убежали от него и не делали, что ему хочется.

Мистер Талливер с немим изумлением внимал ее словам.

— Откуда она взяла эту книгу? — вырвалось у него наконец. — Это «История дьявола» Даниэля Дефо... Не совсем подходящее чтение для маленькой девочки, — сказал мистер Райли. — Как это к вам попало?

С Мэгги сразу слетела вся ее самоуверенность; а мистер Талливер воскликнул:

— Что?! Да это же одна из книг, что я купил на распродаже у Партриджа. Они все были в одинаковых переплетах — и дорогие, знаете, переплеты, — так я думал, и книги все, верно, хорошие. Там еще есть «Святое житие и блаженная кон-

Элиот Дж.

Э 46 Мельница на Флоссе : роман / Джордж Элиот ; пер. с англ. Г. Островской, Л. Поляковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 672 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22787-3

Мэри Энн Эванс, писавшая под псевдонимом Джордж Элиот, автор знаменитых книг «Мидлмарч» и «Мельница на Флоссе», вошла в историю английской литературы как выдающийся мастер поздневикторианского романа, провозвестник новой психологической прозы рубежа XIX и XX веков. Авторитет ее в сфере литературы у современников был непререкаем, на нее взирали как на учителя жизни и называли Сивиллой, сама королева Виктория была ревностной поклонницей ее таланта, а ее слава и прижизненный успех сопоставимы во всем XIX веке только с достижениями Чарльза Диккенса.

Во многом автобиографичный роман «Мельница на Флоссе», вошедший в настоящее издание, один из лучших в английской литературе романов воспитания. Он рассказывает историю жизни и любви Мэгги Талливер, самой обаятельной из всех созданных писательницей героинь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ
МЕЛЬНИЦА НА ФЛОССЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Валентина Гончар

Подписано в печать 20.03.2023. Формат издания 60 × 88¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 41,16.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-31761-01-R